

АКАДЕМИЯ НАУК С.С.С.Р.
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
7 (70)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК С.С.С.Р.
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОРИКИ ОБ АРАБАХ V в.

Сведения о доисламских арабах в византийской историографии представляют особенно большой интерес, так как только с их помощью можно восстановить хронологическую последовательность событий и установить факты, не подлежащие сомнению, среди общей, в значительной мере легендарной, традиции собственно арабских нарративных и поэтических памятников.

Византийская литература IV и V вв. отражает два направления политики империи в отношении к арабам: Стремление их подчинить или привязать договорными обязательствами осуществлялось путем оружия или дипломатических сношений. Другим методом, которым империя пыталась приблизить к себе арабов, как и другие „варварские“ народности, было их приобщение к культуре, в частности, к их религиозной идеологии — христианству.

В данной работе рассмотрены сведения об арабах лишь двух византийских писателей VI в. Кирилл Скифопольский в „Житиях“ палестинских отшельников сохранил сведения об арабских племенах, которые дают неоценимые данные об их социальном строе, культуре, мирных отношениях с оседлым населением. Малх Филадельфиец, историк и софист, оставил в своей, дошедшей до нас лишь в отрывках „*Vuzantiaka*“, рассказ о захвате киндитским племенем важного торгового пункта империи на острове Йотабе и о том, как их „правитель“ Аморкес стал филархом многочисленных арабских племен. Как и предыдущий автор Кирилл, Малх сохранил материал, дающий возможность делать выводы и об экономических интересах арабских племен, которые мало известны и не рассматривались в предшествующих трудах.

В первой половине V в. бедуины Передней Азии пришли в соприкосновение с представителями монашества, возникшего еще в IV в. Особенно богатый материал об арабах собрал в описаниях жизни монахов и отшельников Палестины автор середины VI в. Кирилл Скифопольский. Его родной город, в котором он провел детство и отрочество, Скифополь, с начала V в. стал гражданским центром провинции Палестины второй. Здесь постоянно возникали волнения, так как в империи гонениям подвергались самаряне. На преследования самаряне отвечали восстаниями, одно из них, жестоко подавленное, имело место в 529 г.¹ Одного из наиболее видных самарян, Силуана, жители

¹ Procopius Caesarensis. De aedificiis, II, 24, ed. Haury, t. III: Kyrillos von Skythopolis. Vita Sabae, Ed. E. Schwartz, Leipzig, 1939; 70, стр. 172.

Скифополя сожгли на площади, когда он имел неосторожность появиться в городе „без царского приказа“ — *χωρίς κελεύσεως βασιλικῆς*.²

Точный год рождения Кирилла неизвестен, но в 530 г., когда Савва посетил Скифополь во второй раз, Кириллу было около шести лет. Девяностолетний Савва произвел сильнейшее впечатление на всю семью, где Кирилл был единственным сыном, и определил его будущую жизнь, как монаха. Отец Кирилла был юристом (*σχολαστικός*), благодаря чему и сын получил хорошее образование, хотя, „по счастью“, как выражается один из исследователей, не обучился риторике,³ которая неизбежно вкрадась бы в его повествования, лишив их простоты и ясности изложения.

Несомненно, что общая культура, знание греческой литературы, ее традиций, сделали из Кирилла прекрасного рассказчика, умело сопоставляющего факты, ведущего нить своей повести спокойно и ровно. Простота его изложения и последовательность говорят о его знакомстве с лучшими образцами греческой прозы. В 543 г. Кирилл, уже будучи монахом, поступил в киновию св. Евфимия в Палестине. Здесь, несмотря на то, что со смерти основателя этого монастыря прошло больше восьмидесяти лет, Кирилл собрал сведения о его жизни, которые могли ему сообщить монахи, знавшие о нем и жившие при его ближайших последователях и учениках.

Житие св. Евфимия было написано Кириллом после 554 г., когда он переселился в новую лавру и стал жить в отдельной келии.⁴ Затем он написал житие св. Саввы, которое было вторым его сочинением и, наконец, жития исихаста Иоанна и других монахов.

В этих житиях, особенно в двух первых, Евфимия и Саввы, неоднократно упоминаются арабские племена, которые кочевали по пустыням Палестины, приходили в соприкосновение с монахами, здесь жившими, некоторые из арабов оседали, с монастырями завязывались личные дружественные и культурные связи. Такого рода отношения отвечали политическим интересам Византийской империи; ей было необходимо закрепить положение на Ближнем Востоке, связав арабов такими отношениями, которые позволяли бы опираться на них. Как Римская, так и ее наследница, Византийская империя, вели одну и ту же, веками сложившуюся политику „приручения“, „соглашения“ и „дружбы“ с одной группой кочевых племен, опираясь на них было бы возможно держать в страхе и расправляться с другими племенами, оставшимися далекими и враждебными. С потерей для арабов таких организующих центров, какими были Пальмира и Пётра, караванные дороги и города оказались в большей степени во власти случайностей, бедуинских набегов в частности. В тяжелом положении неуверенности и небезопасности от нападений находились области Месопотамии, Сирийской пустыни и Палестины, в непосредственной близости к внутренней границе Византии. Поэтому всякая возможность привлечь и иметь дружественно расположенных, находящихся под культурным влиянием империи арабов было для нее чрезвычайно желательным. Специальных миссий, насколько можно судить, к арабам не направляли, но связи, возникавшие в личном порядке, упрочивались, идеология занимала в этом случае важное место.

² Там же, 61, стр. 163; 70, стр. 172.

³ Там же, стр. 409.

⁴ Там же, стр. 413; R. Génier. Vie de st. Euthyme le Grand (377—473). Paris, 1909, стр. XIV—XV.

Кирилл Скифопольский передает интересный и красочный рассказ об одном филархе арабов и его роде, относящийся к первой четверти V в. Эти сведения были сообщены Кириллу „древними отцами“ монастыря Евфимия (ἀπαπτες οἱ παλαιοὶ πατερὲς διηγήσατό μοι, — пишет он). Но наиболее подробно и „точно“ (ἀκριβέστερον) он узнал обо всем от „потомка и тезки“ (ἐκγονοῦ καὶ ὁμώνυμοῦ) — „старого“ Терэбона, сына филарха арабов Аспебета, перешедшего на сторону ромеев. Терэбон младший был сам „славным филархом“ сарацин этой области (ὁ κατὰ τὴν χώραν ταύτην περιβόητος τῶν Σαρακηνῶν φύλαρχος ἐξηγήσατό μοι) и рассказал ему все. „Старый“ Терэбон был дедом (πάππος) рассказчика и тяжело болел. Имя отца его не приводится, так как Аспебет (Ἀσπέβετος) — только звание, которое автор переводит как греческое „начальствующий“ (ὀπάρχων).⁵ В сасанидском Иране персидское слово „аспебет“ было титулом, специально дававшимся командующему кавалерией генералу.⁶ В то же время Аспебет было именем одного из родов, происходившего от парфянской династии Аршакидов. Они также именовались „пахлав“, т. е. принадлежащие к парфянскому роду.⁷

В житии Евфимия рассказывается следующее. К концу царствования шахиншаха Ездгерда I (Ἰσδιγέρδος), умершего в 421 г.,⁸ в Иране началась преследования христиан. Филарх арабов пришел приказание повсюду преградить путь христианам, которые стремились бежать из Персии в Византию. „Филарх Аспебет, правивший тогда“, симпатизировал христианам и не только не препятствовал, но даже способствовал их бегству.⁹ Затем сам Аспебет „презрел царя Ездгерда“, он взял своего больного сына Терэбона, „всех своих родственников и имущество, и бежал к ромеям“ (λαβὼν τὸν υἱὸν αὐτοῦ ἡμίστερον, τὸν Τερέβωνα ἰεῖν, καὶ πᾶσαν αὐτοῦ τὴν συγγένειαν καὶ τὴν οὐσίαν Ῥωμαίοις προσφεύγει). Анатолий, бывший тогда стратилатом Востока, принял всех их и подчинил их „на условиях договорных соглашений ромеям“ (Ῥωμαίοις ὑποσπόνδαυς ποιεῖται). Более того, он „вручил Аспебету филархию над подчиненными ромеям в Аравиях сарацинами“. И Аспебет „расположился лагерем в Аравиях“ (ὡς οὖν ἐν Ἀραβίαι κατεσκήνωσαν).¹⁰

Относительно этих сведений возникли сомнения, действительно ли была представлена Аспебету „филархия Аравий“? Наиболее вероятно, что это была лишь филархия „лагерей“ Палестины первой и что Кирилл Скифопольский перенес более позднее положение вещей, относящееся к VI в., на обстоятельство более раннего времени V в.¹¹ В его распоряжении могли быть только „лагери“ (παρεμβολοί), что подтверждается и тем обстоятельством, что впоследствии Аспебет, став епископом, числился как Πέτρος τῶν Παρεμβολῶν ἐπίσκοπος.¹² Едва ли было возможно, чтобы только перешедшему от персов филарху была предоставлена власть над какими-нибудь городами. Вероятнее всего, что он распоряжался кочевыми или полукочевыми арабами, жительствовавшими в лагрях.

⁵ Kirillos von Skythopolis. Vita Euthymii. Ed. E. Schwartz, Leipzig, 1959, стр. 18.

⁶ A. Chrestensen. L'Iran sous les sassanides. Copenhagen, 1944, стр. 103.

⁷ Там же, стр. 108.

⁸ Там же, стр. 269.

⁹ Vita Euthymii, стр. 18—19.

¹⁰ Там же, стр. 19.

¹¹ R. Devreesse. Le patriarcat d'Antioche. Paris, 1945, стр. 247.

¹² Vita Euthymii, стр. 25.

По поводу болезни своего сына Теробона, филарх обратился к „честным отцам Евфимию и Феоктисту“, находившимся в киновии, устроенной Евфимием. После выздоровления Теробона филарх и его род сблизились с Евфимием, который, „обучив их катехизису, всех окрестил“ (*κατηχῆσας αὐτοὺς ἀπαντας ἐβάπτισεν*).¹³ Крестил он их „в малой цистерне“ — крещальне. Он приказал ее устроить в угу пещеры; она „до сих пор сохранилась“ (*Ἐδθῆμιος . . . ἐκέλευσεν γενέσθαι μικρὰν κολυμβήθραν ἐν γωνίαι τοῦ σπηλαίου τὴν μέχρι τοῦ νῦν σωζομένην*).¹⁴ В крещении Аспет получил имя Петра, одновременно с ним крестился его шурин (*γυναικάδελφος*) Марис, а затем — „Теробон и все прочие“.

Как филарх, так и его шурин считались богатыми; они имели состояние и принадлежали к знатым арабским родам, занимавшим господствующее положение и правившим племенами бедуинов. О филархе говорится, что, направляясь в византийские пределы, он взял с собой свое имущество (*οὐσία*), его шурин Марис, остался после крещения в монастыре „и все свое имущество, которое было большим, предоставил для постройки и расширения монастыря“ (*καὶ πάντα τὰ ἴδια χρήματα πολλὰ ὄντα παρέσχευεν εἰς τὸ οἰκοδομηθῆναι καὶ πλατυθῆναι τὸ μοναστήριον*).¹⁵ Слово *χρήματα* может означать имущество, но особенно часто оно употребляется в значении денег.

Род филарха и тяготевшие к нему арабы осели в местах, близких к киновии Евфимия. В течение некоторого времени последний отсутствовал, уйдя в другие места. „Услышав, что после долгого времени Евфимий вернулся“, Петр „пришел“ к нему „с иными сарацинами — мужами, женами и детьми, и просил сказать им спасительное слово“.¹⁶ И этих арабов Евфимий катехизовал, затем увел их в „нижний монастырь“, где их окрестил и оставался с ними восемь дней. Арабы здесь остались. Место же это было благоустроено Аспетом — Петром, что было возможно сделать при условии затраты больших средств. „Петр, приведя ремесленников (*τεχνίτας*), устроил большую цистерну с двумя устьями (*λάκκον διστόμον*), сохранившуюся до настоящего времени в саду, и построил поблизости пекарню (*μαγειπέιον*), устроил три кельи святым отцам и часовню, или церковь среди келий“.¹⁷ Такого рода постройки в пустынных местах требовали, конечно, больших средств, и они у филарха были.

Между тем Евфимий не пожелал здесь остаться, так как он „очень любил тишину“. Арабам же он указал близлежащее место, расположенное между двумя монастырями, сказав им: „Если хотите быть совсем близко от меня, оставайтесь здесь“ (*μείνατε ἐνταῦθα*).¹⁸ Церковь и палатки арабов были окружены валом или оградой (*χάραξ*). Таким образом, здесь образовалось некое селение, огороженное как лагерь, в центре которого находилась церковь.¹⁹ Но селение это состояло из палаток (*σκηναί*). Так как Кирилл Скифопольский сообщает и о других арабах, которые приходили и крестились, то возможно, что и они оседали, или превращались в полусоседлых скотоводов. Закрепить эту связь с обращенными арабами Евфимий стремился, поставив им священников

¹³ Там же, стр. 21.

¹⁴ Там же, стр. 20—21.

¹⁵ Там же, стр. 21.

¹⁶ Там же, стр. 24.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Церковь была освящена Ювеналием в 428 г. (см.: R. Génier. Vie. de st. Euthyme le Grand, стр. 222).

и дьяконов. Но как и в случае с Мавией, наиболее желательным было иметь „арабам лагерей“ своего епископа. Так поступили и в данном случае. К Ювеналию, патриарху иерусалимскому, Евфимием был послан Петр, отец Терębона, который „впервые был рукоположен в Палестине в качестве епископа лагерей“ — οὕτως (Ювеналий) ἐν πρώτοις χειροτονεῖται ἐν Παλαιστίνῃ Πέτρος τῶν Παρεμβολῶν ἐπίσκοπος.²⁰ Очевидно, Петр был главой арабов, кочевавших и располагавшихся лагерями в пределах Палестины, провинции, официально носившей название Палестины первой.

В заключение этого рассказа Кирилл Скифопольский упоминает еще раз о том, что множество (πλῆθος) сарацин прибывали к Евфимию, получались и крестились. Такие связи отвечали интересам Византийского государства и церкви, которая укрепляла и свое положение.

На этом, по-видимому, заканчивался какой-то источник Кирилла Скифопольского, так как он пишет: „...и это о сарацинах“ (καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῶν Σαρακηνῶν). Однако и в дальнейшем автор неоднократно возвращается к событиям, связанным с арабами.

Если Петр стал епископом арабов, то его сын Терębон (старший, как он назван Кириллом Скифопольским) занял положение филарха. После своего выздоровления, а он был вывезен из Ирана своим отцом больным, Терębон женился, „взяв жену из своего рода“ (γυναῖκα ἐκ τοῦ ἰδίου γένους λαβών). Он имел от нее трех сыновей, из которых старший, Петр, был отцом Терębона младшего,²¹ того, кто сообщил Кириллу Скифопольскому историю своего рода и особенно подробно деда, Терębона старшего.

Один из эпизодов из жизни Терębона старшего, филарха арабов, представляет интерес, так как он сообщает о неизбежных трениях, которые возникали в сношениях арабских племен между собой и с представителями Византийской империи.

Терębон по необходимым делам должен был отправиться в Бостру, но попал в затруднительное положение (πειρασμός) — искушение или испытание, которое ему „подстроил“ или „подготовил“ (κατασκευασθεῖς) его же „софиларх“ (σομφιλάρχος). В чем именно заключалось обвинение против него, не сказано, а испытанное им „искушение“ заключалось в том, что он тут же был предан „власти“, схвачен и содержался некоторое время под стражей.²² Очевидно, что „софиларх“ был каким-то сопративителем Терębона и с ним не поладил, предав его „власти“; провинность же была такова, что его заключили в темницу. Это событие могло иметь место в 458 или 460 г., следовательно, в середине V в. Терębон был филархом. Но положение и права „софиларха“ неясны, хотя достаточно того, что он оказался сильным соперником, привел Терębона в тюрьму и, по-видимому, „подстроил“ это дело.

Когда об этом узнал Евфимий, он написал письмо к епископу Бостры Антипатру и переслал его через некоего Стефана, который был братом епископа Иамнии Гайна. Антипатр вмешался в это дело и освободил Терębона от уз и отправил его к Евфимию, предоставив ему дозор (ἐφοδιάσας). Отсюда можно заключить, что „софиларх“ был не безопасен для филарха и ему надо было помочь, оградить его от новых возможных затруднений. „Огражденный таким путем Терębон вернулся к Евфимию“.

²⁰ Vita Euthymii, стр. 25.

²¹ Там же, стр. 36.

²² Там же, стр. 52.

В житии Кириака Кирилл еще раз упоминает о Теребоне и его связи с Евфимием, который его крестил и исцелил.²³

В рассказах, приведенных в житии Евфимия, представляется существенным отметить, с одной стороны, примитивность и простоту жизни арабов. Их местопребывание — палаточный лагерь, состоящий из легко-свертываемых скиний (*σκηναί*), лишь обнесенных частоколом или оградой (*γύραξ*), которая и превращала это поселение в лагерь. Но наряду с этим примитивным селением, едва указывавшим на оседлость, следует отметить факты, свидетельствовавшие об стремлении арабов к большей прочности этой жизни, так как была построена часовня (*εὐκτήριον*) или церковь (*ἐκκλησία*). Очень большое хозяйственное значение должно было иметь устройство бассейна или цистерны с двумя устьями, или выходами, названном *λάκκος ὀίστομος*. В условиях безводной пустыни водохранилище играло первоочередную роль для какого бы то ни было хозяйства, в частности для скотоводства. Но текст говорит и о другом. Для кого был построен асепетом Петром манкипий — пекарня (*μαζικητεῖον*)? Очевидно, печение хлеба было одним из условий оседлого образа жизни. Пекарня была построена „поблизости“ цистерны и, следовательно, непосредственно связана с поселением арабов, их лагерь. Для всех этих работ Петром были специально приведены ремесленники (*ὁ δὲ Πέτρος ἐνέγκας τεχνίτας*), построившие цистерну, а судя по тексту, и другие здания. Очевидно, что арабы строить сами не могли, не умели, не имели технических навыков, что, вероятно, и заставляло автора неоднократно называть их „варварами“.

Сам Петр представляется экономически достаточно мощной фигурой, так как, желая построить „лавру“ в Сахеле, подобно той, которая была построена в Фароне, несколько монахов обратились к нему с просьбой помочь им в постройке (*Τούτους τοὺς ἕνδεκα θεξάμενος ἐπέτρεψε τῷ ἐπισκόπῳ Πέτρῳ κτίσαι αὐτοῖς μικρὰ κελία καὶ κοσμεῖσθαι τὴν ἐκκλησίαν παντὶ κόσμῳ καὶ οὕτως τὸν τόπον λαύραν κατέστησεν κατὰ τὴν τύπον Φαρών*).²⁴ Они просили построить им малые кельи, кроме того „всячески украсить церковь“. В этом случае можно думать, что Петр как „епископ лагерей“ располагал достаточными средствами для подобной постройки, однако устройство цистерны и другие хозяйственные постройки лагеря арабов производились им до того, как он стал епископом. Как было выше отмечено, весь его род принадлежал к бедуинской знати, к числу состоятельных, обладавших имуществом родов.

Епископ Петр принял участие в Ефесском соборе 431 г., осудившем „нечестивого“ Нестория.²⁵ На Ефесском соборе 449 г. в качестве епископа лагерей присутствовал Авксилай, который присоединился к Ювеналию Иерусалимскому, оправдавшему Евтихия, как и все палестинские епископы.²⁶

К вопросу о цистернах автор жития Евфимия возвращается еще раз, говоря, что в двух стадиях от монастыря было две цистерны, выкопанные, как говорят еще „амореями“. Одну из них Евфимий предоставил в пользование отцам „своей лавры“, другая была им „предоставлена крещенным им сарацинам на определенное время“ (*τὸν δὲ ἔτε-*

²³ Kirillos von Skythopolis. Vita Kyriaki, Ed. E. Schwartz, Leipzig, 1959, стр. 226.

²⁴ Vita Euthymii, стр. 26.

²⁵ Там же, стр. 33; R. Devreesse. Le patriarcat d'Antioche. Paris, 1945, стр. 247; R. G. é n i e r. Vie de st. Euthyme, le Grand, стр. 151.

²⁶ Vita Euthymii, стр. 41; R. G. é n i e r. Vie de st. Euthyme le Grand, стр. 180.

ρον παρεχώρησεν τοῖς ὑπ' αὐτοῦ βαπτισθεῖσιν Σαρακηνοῖς πρὸς χαίρων ταχόν),²⁷ полагая так обезопасить цистерну, которой пользовался монастырь. Иначе говоря, потребность в воде была очень велика и если бы не была уступлена одна из двух цистерн, то „в опасности“ от арабов находились бы обе. Об этом говорит и последующий рассказ о том, как один араб, сопровождавший араба-христианина Талабана, схватив большой камень, разбил дверь, которая закрывала монастырскую цистерну.

Как лавра Евфимия, так и лагеря арабов (παρεμβολαί) находились на юго-западе от Иерусалима. Сохранились развалины, другие археологические остатки, способствовавшие определению их местонахождения.

„Аспебед“ Петр и его род принадлежали к числу тех, которые были под властью шейхов Хиры и тяготели к Ирану. В Палестине они заняли сравнительно независимое положение филархов „лагерей Палестины“.

Среди византийских историков, упоминавших об арабах, следует назвать Малха; о нем мало что известно, и труд его дошел лишь в выписках Константина Порфирогенита и Фотия.

Свидя утверждает, что Малх (Μάλχος, Malchus) был софистом и „писал историю со времен императора Константина до Анастасия“, уделив особое внимание событиям времени Зенона, борьбе Василиска и другим событиям.²⁸ Среди немногих сохранившихся от его труда страниц большой интерес представляют те, в которых он говорит об арабах.

Длительная война между персами и ромеями, тянувшаяся со времен Феодосия, закончилась заключением договора в 442 г., по которому обе стороны обязались не принимать арабов-сарацин, подчиненных другой стороне, „если они будут склонны к восстанию“.²⁹ Этот пункт договора неоднократно повторялся в последующих договорах, которые заключались в VI в. между Византией и Ираном. Несмотря на это, до 17-го года императора Льва Макелла, т. е. до 473 г., произошли следующие события. Недовольный своим положением в Иране, некто „номалийского рода“, носивший имя „Аморкес“ (очевидно, греческая транскрипция имени Имрулькайс), покинул „Персиду“ и „перевравшись в соседнюю персам Аравию, оттуда производил набеги“.³⁰ Никакого звания Аморкесу в тексте Малха не дано, очевидно он был одним из глав или шейхов этого рода. Ему не было оказано достаточной „честь“ в Иране; очевидно, он не занял видного положения и считал, что „Ромейская земля лучше“, следовательно, надеялся получить такое положение при поддержке Константинополя.

Аморкес, по арабским источникам Имрулькайс, о котором сообщает Малх, принадлежал к одному из Киндитских родов, расположившихся у границ византийских провинций Палестины второй и третьей. Эти роды не теряли связи с племенами Кинда и Маад; они кочевали в центральных и северных областях Аравийского полуострова.³¹

²⁷ Vita Euthymii, стр. 75.

²⁸ Suidas, ed. Aemilii Partus, Coloniae Allobrogum, t. II. 1619, стр. 87.

²⁹ Malchus. Excerpta de legationibus gentium Constantini Porphyrogeneti, vol. I, pars 2. Ed. C. de Boor, Berolini, 1903, стр. 568; Ю. Кулаковский. История Византии, I. Киев, 1913, стр. 380.

³⁰ Malchus. Excerpta, стр. 568.

³¹ Там же, стр. 568; Nonnosius. Fragmenta historicorum graecorum, t. IV, Parisiis, 1853, стр. 179; Theophanes. Chronographia. Ed. De Boor, Lipsiae, 1883,

Наиболее существенным моментом в поведении этого шейха было то, что „его сила возрастала“ за счет того, что он стал господствовать и над другими арабскими племенами, с которыми он сталкивался, но он „никогда не воевал с ромеями“.³² Когда он достаточно окреп и почувствовал свою силу, он направил свое внимание на остров Йотабу, географическое положение которого делало его перепутьем ряда дорог — морских и сухопутных. Йотаба, ныне Тиран, остров, расположенный к югу от Синайского полуострова, при входе в Акабский (Эланский) залив. Благодаря своему географическому положению Йотаба и город Аил играли важную роль в политике византийских императоров, Аксумитского государства, Ирана, арабских племен Сирии и иудейских колоний Аравии.³³ Для торговых сношений Передней Азии с Африкой, как и с Эфиопией, для морского пути по Красному морю, в Индийский океан, Йотаба занимала ключевую позицию.

На Азиатском материке в конце залива находился город Аил (Эла, Элат, Элана — Ἰλιὰ πόλις). Таможенный пункт империи находился на острове Йотабе, где взимались пошлины с товаров, которые ввозились морем в Аил. От острова до Аила, по расчетам Прокопия Кесарийского, было около тысячи стадий.³⁴

Кроме таможенников, можно предполагать, что там располагался и гарнизон, хотя прямых указаний на это нет. Там была также значительная иудейская колония, которую тот же Прокопий характеризует как „автономную“ (ἐνθα Ἑβραῖοι αὐτονομοὶ μὲν παλαιοῦ ἔχρητο).³⁵

Аморкес, сообщает все тот же текст, „отобрал“ Йотабу и „изгнал декатологов ромеев“. Декатологи были сборщиками налогов, которые взимали „десятую“ долю в качестве сбора. Захватив остров, он сам стал собирать налоги и „получил там немало денег“. Охрана осуществлялась, следовательно, Византией недостаточно прочно, и Аморкес „изгнал“ таможенников империи без особых военных действий. Он, очевидно, захватил главный центр острова, так как дальше говорится о том, что он присоединил „и другие ближайшие селения“, находившиеся на острове же или на близлежащих берегах материка. Таким образом, Аморкес занял прочное положение тем, что господствовал или держал в повиновении арабские племена у границ Византии, а с захватом Йотабы он занял важное место и смог контролировать торговые сношения Ближнего Востока, в большой их части. Наконец, его богатство значительно возросло, взимание налогов дало ему большие денежные суммы.

Теперь наступил момент, когда „нокалиец“ стал считать возможным закрепить свое положение. Он пожелал официально стать „союзником ромеев и филархом находящихся в Петрее ромейских сарацин“.³⁶ Следовательно, несмотря на то, что он отнял возможность у Византии собирать налоги на Йотабе, он не без основания считал, что это ему

стр. 141; A. Musil. Kusejr Amra I, 1907, стр. 130—132, 174; E. Stein. Histoire du Bas-empire, t. II. Paris, 1949, стр. 90.

³² Malchus. Excerpta, стр. 569.

³³ F. M. Abel. L'île de Iotabè. Revue biblique, 47, 1938, стр. 510—538. Рецензия на статью Абеля: P. P (eters), Analecta bollandiana, 57, 1939, стр. 415—416.

³⁴ Procopius Caesariensis. De bello persico, I, 19. Ed. Haury, vol. I, Lipsiae, 1905, стр. 101; M. M. Хвостов. История восточной торговли и греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 199.

³⁵ Procopius Caesariensis. De bello persico, I, 19, стр. 101.

³⁶ Malchus. Excerpta, стр. 569; R. Paret. Note sur un passage de Malalas concernant les phylarques arabes. Arabica, t. V, f. 3, 1958, стр. 254.

будет „прощено и он будет признан союзником“ Константинополя. Более того, он претендовал на то, чтобы стать „филархом ромейских сарацин, находящихся в Петрее“. Если к этому времени Петра забыла свою самостоятельность, то, во всяком случае, арабы продолжали быть господствующим населением этих областей, но находились в некоторой зависимости от Византии. Аморкес стремился к официальному признанию его со стороны „кесаря“ в качестве филарха тех арабских племен, которые находились в области Петры. Если даже согласиться с Р. Парэ, который утверждает в своей интересной статье, что термин *φιλάρχος* применялся в византийской исторической литературе лишь как наименование для глав или вождей кочевых или полукочевых племен и обозначает лишь „традиционное главенство“, ³⁷ то все же никак нельзя отрицать того, что, по свидетельству источников, в ряде случаев звание филарха давалось или официально подтверждалось Константинополем, как это имело место в данном случае. Малх не называет Аморкеса филархом нокалийского рода или племени; допустим, что Малх даже мог бы его назвать так, но, во всяком случае, этот термин не являлся чисто родовым понятием, как это предполагает названный исследователь. Если Аморкес был признанным родовым вождем нокалийского рода, то для арабских племен Петры он таковым не был, его надо было „поставить филархом“ этих арабов, ³⁸ т. е. признать его официально их вождем или главой, что и выражалось соответственным образом званием филарха. Такое выражение могло применяться и к другим родовым вождям, например славянским, но в ряде случаев тексты византийских историков дают все основания видеть в филархе признанного Византией или Ираном вождя племени, носившего это официальное звание.

Чтобы добиться желаемого признания, Аморкес в качестве ходатая послал к императору Льву в 473 г. „епископа своего племени Петра“. Сам Аморкес христианином не был, но среди его племени, очевидно, были христиане, как и среди бедуинов, кочевавших в провинциях Палестины первой и второй, как это известно из трудов Кирилла Скифопольского. Ходатайство Петра увенчалось успехом, император его выслушал, согласился и „тотчас послал, чтобы прибыл к нему Аморкес“. Нокалийский вождь был принят императором „приветливо“, „радостно“ (*ἀσμένως*), он был приглашен к столу и даже присутствовал на совещаниях в сенате. Лев I отдал ему остров Йотабу и „соседние селения“, о которых тот просил, а также предоставил ему стать „архонтом племен, каких он желал“, иначе говоря, удовлетворил все его желания. Кроме того, „приказал дать ему кафедру протопатрикия“, т. е. посадил на одно из самых высоких мест в сенате империи. Чтобы особенно тесно связать Аморкеса с интересами Византии, необходимо было „убедить его стать христианином“. С этой целью император подарил ему „свою золотую икону“ (т. е. свой портрет), украшенную драгоценными камнями. Из демосиона, государственной казны, Аморкесу была выдана некая сумма денег и, наконец, было приказано тем, „кто состояли в сенате“, также сделать ему подарки. ³⁹

Совершенно очевидно, что император Лев, учитывая значение бедуинской периферии, необходимость сохранять спокойствие на своих

³⁷ R. Paret. Note sur... les phylarque arabes, стр. 253.

³⁸ Malchus. Excerpta, стр. 569.

³⁹ Там же, стр. 569; Ю. Кулаковский. История Византии, стр. 380.

границах, наконец самое положение Иотабы и Петры, считал необходимым вести мирную политику в отношении филарха, который мог ему оказать ряд услуг, хотя и лишил казну таможенных сборов на острове Иотаба.

Остров Иотаба перешел в полное распоряжение ромеев только при Анастасии. Дукс Палестины Роман около 498 г. выступил против гассанида Джабала, взял в плен киндита Худжра и вновь подчинил остров Иотабу, отобрав его у киндитов.⁴⁰

Однако Малх, отражая взгляды и мнения сенаторов, высших кругов византийского общества, оставил целый ряд резких, критических замечаний об этих действиях императора. То, что он допустил приезд Аморкеса в Константинополь, Малх считает „безрассудным“, хотя и не возражает против того, чтобы „поставить его филархом“. Но, говорит Малх, сделать это надо было заглазно, „когда Аморкес был далеко“, так как необходимо было сохранить престиж империи, чтобы он считал ромеев страшными, „всегда повиновался“ их начальникам и трепетал при самом имени императора. То, что Аморкес имел возможность проехать и посетить ряд городов по дороге в Константинополь, это могло убедить его в слабости военной мощи ромеев, так как „он мог видеть“ роскошь городов и то, что там „не употребляется оружие“. Неприятно было тем же сенаторам то, что ему была дана „кафедра протопатрикия“ и что их „принуждали“ делать ему подарки.

Таким образом, мягкость политики в отношении арабских племен вызывала неудовольствие известных слоев византийского общества, и, насколько можно об этом судить, это были сенаторы и высшие военные чины империи, которых арабы должны были бы бояться. Известное ослабление военной силы империи должно было оставаться для арабов неизвестным. Следствием уступок и мягкости, „безрассудства“ императора было то, что Аморкес „сделался высокомерным“, а главное — неблагодарным, так как он „не имел намерения отплатить утвердившим его“. Византийский историк считал, что особенно расчитывать империи на помощь и „благодарность“ „утвержденного“ филарха, получившего Истабу и власть над „петрейскими сарацами“, не приходилось.

Слабость и „безрассудство“, проявленные в отношении арабов, объяснялись, однако, слезным послужением государства. Специальные интересы господствующих классов областей Египта, Сирии, Палестины, идеологическим знаменем которых было монофизитство, требовали уступок. Лев I действовал „осторожно и умеренно“, стремясь добиться успокоения во всех трех столицах Ближнего Востока — Александрии, Антиохии, Иерусалиме.⁴¹ Эта политика императорской партии находилась в противоречии с целым рядом течений. В первые годы после воцарения в 457 г. император находился в зависимости от готского рода, возглавлявшего германские военные дружины, находившиеся на службе империи. Аспар и Ардавурий были представителями третьего поколения этого выдающегося рода готов, которые пользовались большим влиянием, опираясь на свою военную силу, и ставили своих сторонников на важнейшие должности, военные и гражданские.

⁴⁰ Theophanes. Chronographia. Ed. De Boor, Lipsiae, 1883, стр. 141.

⁴¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I. СПб., 1913, стр. 328—330.

Лев I, происходивший из Фракии, был их ставленником, и поэтому опасался готов, которые к тому же были арианами. Аспар благодаря тому, что византийское войско находилось в подчинении ему, мог парализовать любые действия правительства. Морская экспедиция против вандалов в северную Африку, которая закончилась полной неудачей и гибелью огромного флота, была результатом неспособности Василиска, поставленного во главе этой экспедиции. И в этом случае Аспар, по настоянию которого Василиску было поручено это командование, сыграл отрицательную роль. Только в 471 г. решительные меры, принятые против германских дружин, насильственная смерть Аспара и Ардавурия, привели к полному ослаблению этих дружин. Переворот этот был подготовлен усилением „ромейского“, греческого, элемента в руководстве византийской армии и опорой, которую Лев I сумел найти в исаврийцах. Зиноп, вождь исаврийцев, воинственного и храброго племени, жившего в горах Малой Азии, оказал надежную поддержку Льву, который еще в 458/59 г. сделал его своим зятем, женив на своей дочери Ариадне.⁴²

Таким образом, положение было выравнено за счет усиления исаврийцев, которыми потом был занят императорский престол. Несмотря на то, что в изложении византийских источников событий друг от друга в изложении византийских источников дает, однако, материал для более глубокого анализа.

Правительство Льва I стремилось найти опору в греко-православной партии господствующего класса и передать в ее руки руководство византийским войском. Но, кроме того, была необходима и дополнительная военная сила, которой оказались исаврийцы. Они были не пришельцами, а местными малоазийскими племенами и могли разделять интересы „восточных“. Противопоставить их готским дружинам было удачным выходом. Принимая во внимание все эти обстоятельства, понятно, что византийское правительство не могло обострять отношений с арабскими племенами, особенно ввиду беспокойного состояния в Сирии и Палестине, где стихийно возникали „бунты“, „восстания“ — народные движения, используемые различными группами господствующего класса в своих интересах. С Аморкесом было необходимо заключить дружественное соглашение, что и было сделано.

Недовольство и критические замечания, выраженные Малхом, следует отнести, как было выше отмечено, за счет недовольства сенаторов и военачальников, учитывавших высокий военный потенциал арабских племен.

Эпизод, сохранившийся из истории Малха, характерен и для всей последующей истории арабских племен до возникновения ислама. Он указывает на их значительную роль в общей экономической жизни Востока, в широких торговых связях, в живом и интенсивном денежном хозяйстве, которое имело место как у кочевых, так и у оседлых арабских племен Передней Азии в V в.

⁴² Там же, стр. 290—291, 331.

SOURCES BYZANTINES SUR LES ARABES DU V s.

La politique de Byzance au V s. envers les arabes se fondait sur deux points principales, c'était: la tendance de conclure des pactes avec une partie des tribus arabes, pour avoir une défense de ces tribus mêmes contre les autres, restés hostiles, et la possibilité de les convertir au christianisme.

Les vies des moines de Palestine, composées par Kyrill de Skythopolis contiennent des récits concernant la transition d'une des tribus „d'arabes persans“ — lahmidés à une vie demi-sédentaire et sa conversion au christianisme. L'historien Malchus connaît l'occupation de l'île de Iotabée (473 an.) par le kindite Amorkes (Amrulkais), que Byzance dû reconnaître et sanctionner.
